Литературные страницы

Олег Мигров

За Россию, мама!

Мама, я не ранен, не контужен,
Руки-ноги целы, я живой.
Просто я немножечко простужен,
Это изменило голос мой.
Мама, не волнуйся, я в порядке,
Не голодный, все нормально, мам.
Просто дождь прошел, я в плащ-палатке,
Сыро в этот утренний туман.
Мама, передай приветы нашим,
Я люблю и обнимаю вас.
Скоро продвигаться с боем дальше,
Впереди всегда идет спецназ.
Мама, не тревожься понапрасну,
Очень сильно я тебя люблю.
Не переживай так, все прекрасно,
Мы воюем за страну свою.
Мама, я вернусь домой с победой,
По-другому и не может быть,
Чтоб над нашей Родиной рассветы
Продолжали каждый день всходить...

Тишина

Когда-нибудь проснусь, и тишина
В глаза мои посмотрит ясным небом,
И я пойму, что кончилась война,
А на дворе вовсю гуляет лето.

Не будет хруста стекол под ногой,
Побитых в покореженных фрамугах,
Воронка в клумбе сровнена с землей,
Исчезнут шрамы на коре у бука.

На каруселях снова детвора,
Играет, а не прячется в подвале,
А у подъезда нет уже костра
И котелка с борщом, с кусочком сала.

На мини-рынке продают укроп,
Обыденно считая все рублями,
И продавщиц малороссийский треп
Звучит понятно русскими словами.

Однажды я проснусь, где тишина
Без страха, без тревог и без напастей,
И я пойму, что кончилась война
И наконец-то возвратилось счастье...

Четвертый курс

Четвертый курс, еще не выпускной,
Уже матерый, тертый и бывалый,
Три долгих года службы за спиной,
Двадцатилетние здоровые нахалы.
Четыре полосы на рукаве,
Погоны с буквой «К» красиво-гордой,
Уверенность в глазах и в голове
Подчеркнута всегда походкой твердой.
И эта юность в форменном строю
Пройдет еще два промелькнувших года,
Учиться защищать свою страну,
Служить для Родины и нашего народа.

Живой

Передайте всем, что я живой,
Смерти нет, душа моя бессмертна,
Словно ветром пробежится над травой
И затихнет в кронах незаметно.

Я в туманы завернусь с утра,
Белым облаком раскинусь над полями,
Тяжелея, не сбегу в моря,
А дождем сполна наполню ямы.

Может, кто-то скажет ерунда,
Раз ушел, не стоит возвращаться,
Но исчез-то я не навсегда,
А продолжу приносить в мир счастье.

Время Героев

Это время Героев,
Не книжных, экранных, -
Ярких сверхновых,
Вспыхнувших рано,
Боли презревших,
Рваные раны,
Не ради денег,
Славы и званий.

Время Героев,
Достойных романов,
Сцены и песен,
Большого экрана.
Время Героев,
Шагнувших в бессмертье,
Выбор судьбы
Самых лучших на свете.

Время Героев,
Чье каждое имя -
Повод гордиться
Ими отныне,
Время равняться
На доблестный строй,
Что прославляет
Россию собой!

Нашим

Вы уходите в ночь,
Завтра будут бои,
Мы желаем вам
Только победы!
Все сомнения прочь
Ради блага страны,
Пусть спокойно
Встречает рассветы.

Если в сердце любовь,
То душа не умрет,
Мы вас любим,
Так знайте, мы с вами!
Вдоль дорог и мостов
Продвигайтесь вперед
Беспощадной волной,
Как цунами.

Только к сильным и смелым
Победа придет,
Благодарностью
К подвигам ратным.
Знамя правды и веры
Вручил вам народ,
Возвращайтесь живыми
Обратно!

- Вот скажи мне, американец, в чем сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда - тот и сильней. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет…

«Брат-2»

Нас не стереть

Нас не стереть
Ни в памяти, ни с карты,
Не растоптать
Толпой исподтишка,
Лишь обвинять,
В чем мы не виноваты,
Но победить нас всех
Кишка тонка.

Нас не убить,
Мы будем возвращаться
В одном строю
Бессмертного полка
И защищать
Свободу, мир и счастье
От хищного
И подлого врага.

Нас не сломить,
За нами вера в правду,
Величие и мощь
Родной страны,
И в целом мире
Нет такой преграды,
Которую не одолеем мы!

Бегите, крысы!

Бегите, крысы, вас там тоже «ждут»,
На вас и здесь надежд мы не питали,
Вы продали б за горсть родной редут,
Так что крутите прочь свои педали!
Быть может, вам удастся отсидеть,
Пока зарницы дома полыхают,
Но там чужими будете и впредь,
Ведь ваша хата всюду будет с краю.
Бегите, крысы! Справимся без вас,
Без лишнего балласта будет легче.
Вы «кинули» Отечество сейчас,
Не ждите, что оно пойдет навстречу...

Держись, браток!

Посвящается нашим Героям

Держись, браток, мы доползем с тобою
Под минометным... Что же ты размяк,
Ведь нам с тобой приказано судьбою -
Сегодня умирать нельзя никак.

Давай, браток, в воронку от снаряда,
Там раны осмотрю, перевяжу.
Мне дотащить живым - уже награда,
Не отключайся, я тебя прошу.

Кричи, браток, хоть крой многоэтажным,
Не стыдно покричать в разрывах мин.
Ты молодец, и выглядишь отважно,
Не брошу, дотащу, ты не один.

Терпи, браток, осталось нам немного
До наших… Доберемся, а потом,
Поверь мне, жить ты будешь еще долго,
С победой возвратишься в отчий дом.

Анатолий Иванов

БОЛИТ ДУША
Россия

Как же тебя ненавидят
Недруги разных мастей.
Сколько ты знала обиды,
Сколько взяла крепостей.

Сколько врагов остудила,
Сколько друзей сберегла.
Есть в тебе слабость и сила,
Подлости нету и зла.

***

Как все это получилось?
Кто же в этом виноват?
Украина и Россия
Помириться не хотят.

А ведь были мы едины,
Жили мы в одной стране.
А теперь на Украине -
«На войне, как на войне».

Против своего народа
Злая нечисть поднялась,
И бесчинствуют уроды
За бандеровскую власть.

А Америка с Европой
Лбами сталкивают нас.
Чтоб была Россия робкой,
Во весь рост не поднялась.

Шлют нам санкции, угрозы,
Спутав ложью и враньем.
А на Украине слезы,
Смерть детишек под огнем.

Мир находится во мраке,
Очерствел и поглупел.
Я вчера послушал Псаки
И «до ветру» захотел.

***

Как примирить непримиримых?
Как руку зла остановить?
Решаем с сотворенья мира
Вопрос: нам «быть или не быть».

Какая сила в человеке?
Какая слабость, дикость, страх.
Живем мы в 21-м веке,
Не помня заповедь Христа.

Закон, мораль и вера смяты,
Всем правит денежный мешок.
Но всё ведь кончится когда-то,
И плохо, что не хорошо.

Что творится с нашим миром?
Отчего он, как шальной?
Вновь грозит кровавым пиром
И пугает нас войной.

Разгулялись злые бесы,
Ловит души сатана.
Человеку нету места
Среди мутного дерьма.

Голубые стали в моде,
Геи рвутся на «парад».
Все болтают о свободе,
Но незнамо что творят.

Пропадают наши дети,
Педофилы правят бал.
Что творится на планете?!
Наблюдать Господь устал.

11.04.2007 г.

***

Как унять людскую злобу?
Как услышать крик души?
И какому верить слову,
Не продавшись за гроши?

Где в пути остановиться,
У какого очага?
Где у вечности границы,
И откуда ждать врага?

Где та твердая опора,
Где вершина, бездна где?
И идут веками споры,
И раздумья у людей.

Где концы и где начала
Неизведанных дорог?
И мне небо отвечало:
«Это знает только Бог».

16.01.2008 г.

***

Люблю Украину, Россию люблю.
Ну как я их в сердце своем разделю?
Ну как я могу эту связь разорвать?
Одни у нас корни, одна у нас Мать.

У всех у нас доля и вера одна
И нам не нужна ни вражда, ни война.
Не нужен «Майдан» и «бандеровский клич».
Мне друг киевлянин, я - брат твой, москвич.

Нам вместе идти по дороге одной,
Мы против насилия встанем стеной.
И Западу нас никогда не стравить.
Мы дружбу сумеем навек сохранить.

У нас ни фашизм, ни нацизм не пройдет,
Не примет его наш великий народ.
История этого нам не простит.
В беду мы попали, и надо спастись.

Украине быть, и России стоять
И Киев с Москвою подружат опять.
Куда друг от друга нам деться?
Едины душой мы и сердцем.

15.03.2014 г.

Владимир Непейцев

Фашизм прокрался в наше время

Война спонтанной не бывает,
А кукловод, известный нам,
Марионеток заставляет
Бежать во власть по головам.

Фашизм прокрался в наше время, -
Живуча страшная чума.
Снаряды падают в деревни,
Идет гражданская война.

Ночные подлые налеты,
Они страшнее во сто крат,
Когда во власти идиоты,
А убивает брата - брат.

Идет война на Украине,
Восстал Луганск, восстал Донецк.
Ложь всем приелась, и отныне
Пришел терпению конец.

Финал пророчить я не буду,
Куда там будет поворот,
Но покарает Бог Иуду,
Что губит собственный народ.

Проклятья сирот, вдов солдатских,
Ему на голову падут,
Поможет ли его богатство,
Когда наступит Божий суд?

Я не взываю к его чести,
Смысл говорить ему про то?
Но знай, подлец, Небесной мести
Не избежал еще никто!

Ничто не вечно, войны тоже,
Что ж этой не видать конца?
Уж всех тошнит от наглой рожи,
От сытой рожи мертвеца…

Покидая старые гнездовья

Осенью гнездовья покидая,
Плачут в синем небе журавли.
Неизбежность. Их судьба такая -
Счастье отыскать в чужой дали.

Вслед летящей стае не грустите,
Жизнь течет размеренно, рекой,
Не ропщите, Бога не гневите,
Если нет в ней рыбки золотой.

Если нету - значит и не надо.
Значит счастье кроется в ином,
Ходит оно, бродит где-то рядом.
Пусть дозреет - счастье как вино.

Чашу эту пейте по глоточку,
Жизнь - она подарок дорогой.
Вот когда судьба поставит точку,
Будет лишь свеча - за упокой.

Стерлась, потускнела позолота,
Все стареет - это не беда.
Нынче жизнь - рутина и болото:
Завтра новь - и быстрая вода.

Выйдя по весеннему разливу
К чистой речке, на широкий плес,
Поклонись в воде стоящим ивам,
Причащайся соком от берез.

Словно в церковь, в поле утром ранним
Летом приходи на сенокос,
Помолись, входя на конопляник,
Помолись на сделанный прокос.

Будет день - душе найдется пища,
Осень - время пожинать плоды.
Да обрящет тот, кто счастье ищет,
И покой сидящий у воды.

Покидая старые гнездовья,
Птицы к ним вернутся все равно.
О любви молите, о здоровье,
Остальное все придет само...

Пророк

Чутким ухом ловя каждый шорох,
Спит вселенная настороже,
В глубине ее спрятанный порох
Все копится и высох уже.

Тишина… слышу шаг свой усталый.
Тишина… гулок шаг в пустоте.
Тишина…. Сколько ждать мне осталось?
Быть распятым - висеть на кресте!

Дай огня! Бей железом о крЕмень!
Может, искра мелькнет впереди.
Слышу сердцем, как тикает время,
Как набат над Землею гудит!

Сам - охрипшая птица без дома.
Сам покинул родимый порог,
Но теперь и друзьям, и знакомым
Непонятен бездомный пророк.

Лето кончилось, засентябрило:
Желтый лист липнет к мокрой траве,
Ветра бритва виски мне побрила,
Нет седин на моей голове!

Порох есть, так подайте огниво!
Ветер пламя взметнет как волну.
Умереть и сгореть! Но красиво.
Дай огня! Я взорву тишину!

Пусть взорвется, что чавкает сыто,
То, что гнилью смердит за версту,
Будут трупы лежать у корыта,
Будут люди молиться кресту!

Сорок дней - будет дождь нескончаем,
Будь готова, старуха Земля.
Все должно повториться сначала.
Жизнь должна возродиться с нуля.

Отболит… прорастет семенами,
Так что сейте побольше любви!
Дай огня! И последуй за нами,
Мы воздвигнем Собор на крови!

Что ты мне скажешь, враг вчерашний?

Друзьями были мы с тобой
Потом врагами жили рядом.
Что ж нынче смотришь влажным взглядом
На серый камень гробовой?

Нет ни вражды теперь, ни жизни.
Лишь на могилах белый снег,
Что ж ты не весел был на тризне,
Мой враг - мой близкий человек?..

Зачем зимою на могилу
Из года в год приходишь ты.
Зачем на этот камень стылый
Живые стелешь мне цветы?

Или кончины близкой страшно?
(Что я и там тебя найду?)
Что ты мне скажешь, враг вчерашний,
Когда я в сны твои приду?

Быть может, и тебе открылось,
Глядя на памятный гранит,
Что смерть теперь - как Божья милость -
Рассудит нас и примирит.

Возможно, вновь друзьями станем.
Готов ли я тебя простить?
Прожгут ли слезы серый камень?
Все может быть... все может быть....

Живи...

Покуда солнце светит,
Мы братья все, а не враги.
Страшней всего, когда на свете
Вдруг на безжизненной планете
Одни шаги - твои шаги...

Чтобы помнили

На перекрестках смерти и огня

20 июня, 1941 год. Таким Г.Г. Мирошниченко ушел на фронт

Генерал-майор Григорий Германович Мирошниченко, ветеран Великой Отечественной войны, председатель Совета ветеранов 67-й армии, автор книг очерков об участии подразделений службы военных сообщений в войне 1941-1945 гг. «На перекрестках смерти и огня» и «Рожденная блокадой».

В редакцию «Великолукской правды» пришло письмо от Эмилии Мирошниченко. Она предложила нашему вниманию главы из книги ее отца Григория Германовича Мирошниченко - участника описываемых в ней событий. Э. Мирошниченко выразила уверенность, что нам будет интересен этот материал - ныне живущим в этих местах, где происходили события далекого 1941 года.

Г.Г. Мирошниченко родился в 1910 году в Днепропетровской области, был десятым ребенком в семье путевого обходчика. Окончив железнодорожную семилетку, с 6-го класса поступил в железнодорожное училище, после его окончания получил специальность слесаря по ремонту паровозов. Стал трудиться в депо. В 1940 году окончил Военно-транспортную академию (ВТА), получив диплом военного инженера путей сообщения строительной специальности. Еще будучи слушателем выпускного курса ВТА, с декабря 1933 года принимал участие в войне с белофиннами на Северо-Западном фронте в составе 8-й армии (Петрозаводское направление) на военном строительстве железной дороги.

С первого дня Великой Отечественной Григорий Германович отбыл на фронт в составе армейского управления (штаба 22-й армии) начальником технического отделения службы ВОСО Западного фронта. Думал ли он, что война забросит его за тысячу километров от родной стороны в Калининскую (ныне Тверскую) область?! Здесь он занимался организацией восстановления разрушенных от авиабомбежек противника устройств в районе боевых действий армии и в период вынужденного отхода войск нашей армии осуществлял выполнение плана устройств заграждений и разрушений на железнодорожном направлении Великие Луки - Торопец - Андреаполь - Соблаго - Кувшиново. С апреля 1942 года служил во фронтовом аппарате ВОСО вновь сформированного Калининского фронта, в состав которого вошла 22-я армия. Затем был Ленинградский фронт, участие в военных операциях в Прибалтике по освобождению от фашистских захватчиков Риги, Тукумса и других городов. Но в мае 1945-го война для него не закончилась - Григорий Германович принимал участие в разгроме милитаристской Японии. Так в течение 6 лет наш герой стал участником трех войн, пройдя путь от лейтенанта до полковника.

Затем Г.Г. Мирошниченко продолжил военную службу в железнодорожных войсках СССР, повышая свой профессиональный уровень, стремительно продвигаясь по служебной линии. В 1956 году ему было присвоено звание генерал-майора технических войск. С 1962 г. до ноября 1970 г. он трудился начальником факультета ВОСО военной Академии тыла и транспорта в Ленинграде, откуда и ушел в отставку по состоянию здоровья.

Но наши славные бойцы и в пожилые годы не могут оставаться без дела, приносящего благо обществу. Г.Г. Мирошниченко занимался огромной военно-патриотической деятельностью в Ленинграде, по его инициативе был создан Совет ветеранов 67-й армии, которым он руководил. Также все свои силы наш герой посвятил святому десятилетнему труду - сбору и обработке материалов для написания книг и статей о службе ВОСО в годы Великой Отечественной войны (книга «На перекрестках смерти и огня» (12+), 2000 г. изд.) и боевом пути 67-й армии (книга «Рожденная блокадой» (12+) 2001 г. изд.).

«Со всех концов страны ветераны присылали ему свои воспоминания, он работал в военных архивах, кропотливо, добросовестно, с большой ответственностью перед будущим он писал эти книги и множество статей. Сегодня можно с уверенностью сказать, что папа был очень прозорлив - все его выводы сейчас верные, выверенные, основанные на практике и до сих пор современны», - отмечает в письме дочь Эмилия.

Нелегким, но каким же достойным и славным был путь нашего героя! Он посвятил его родному Отечеству и обществу, подумал и о будущем, оставив в наследие нам всем горькую и светлую память - уникальные свидетельства участников о грозных событиях Великой Отечественной. Мы вечно будем чтить и помнить вас, наши дорогие Победители! Спасибо вам за ваши военные подвиги, беспримерное служение Родине, народу, за славный труд в мирное время!

Скончался Г.Г. Мирошниченко на 95-м году жизни 22 июня 2004 года. Человек, посвятивший себя военному делу, прошедший три войны, умер 22 июня. Даже в самой дате начала Великой Отечественной войны, когда мы скорбим, и в этот же день покинул земной мир наш герой, есть какой-то свой глубокий смысл. Светлая память!

Г.Г. Мирошниченко за отвагу и доблесть отмечен двумя орденами Красной Звезды, орденами I и II степени Отечественной войны, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией», а также высшими правительственными наградами Румынии - тремя орденами Звезды 3, 4, 5 степеней и медалью «За победу над фашизмом».

Анна СЕРЖАНТОВА

(Подготовлено по материалам Э.Г. Мирошниченко, дочери Г.Г. Мирошниченко)

http://kuvznama.ru/

Доставка танкового батальона

(Глава из книги Г.Г. Мирошниченко)

К середине октября и до ноября 1941 года на Калининском фронте продолжались упорные и тяжелые оборонительные бои. Противник превосходящими силами рвался к Москве. Войска фронта, с трудом отражая танковые атаки врага, вынужденно отходили, и к началу ноября фронт на участке 22-й армии стабилизировался на рубеже Селижарово - р. Волга - Ранцево - Страшевичи. Гитлеровское командование в канун 24-й годовщины Великого Октября, в надежде на ослабление боевой бдительности советских войск, решило нанести неожиданный танковый удар на левом фланге участка обороны 22-й армии. Танков наши войска здесь не имели. Это, по всей вероятности, учитывало немецкое командование. Но подготовку противника к нанесению неожиданного удара, его место, день и час нашей разведке удалось установить. Во второй половине дня 6 ноября 1941 года, после доклада начальнику ВОСО (военных сообщений) армии военному инженеру 1-го ранга Горяинову о ходе выполнения нами плана работ по устройству заграждений на железнодорожном направлении Селижарово - Кувшиново Калининской железной дороги, я получил от него новое срочное оперативное задание: немедленно отправиться с подготовленным порожним подвижным составом на станцию Кулицкий Мох, погрузить танковый батальон и к 8 часам утра завтра, 7 ноября, доставить его в Кувшиново.

Маршрут движения эшелона туда и обратно проходил через два крупных железнодорожных узла - Торжок Калининской и Лихославль Октябрьской железных дорог. По опыту работы я знал, что на стыке двух отделений соседних дорог, как правило, всегда появляются непредвиденные причины, вызывающие задержки поездов. Это усугублялось еще и тем, что железнодорожное направление Лихославль - Калинин, на котором находилась станция Кулицкий Мох, не входило в оперативную полосу действия 22-й армии. Поэтому сведений о техническом состоянии этого участка и особенно данных о том, имеются ли на этой станции воинские постоянные или временные погрузочно-выгрузочные устройства или материалы для их постройки, в техническом отделении 22-й армии не было. Эти и другие вопросы заставили меня крепко задуматься. Начальник ВОСО армии Горяинов, как бы упреждая мои вопросы, успокаивающе разъяснял:

- Григорий Германович, по информации соседа, на этой станции имеется высокая воинская платформа и переходные мостики. Так что сложности в погрузке тяжелой техники никакой не будет. Твоя задача заключается в том, чтобы довести порожняк до станции погрузки, погрузить танки и к установленному времени доставить их в Кувшиново. «Зеленая улица» тебе будет обеспечена. И многозначительно добавил:

- Не успеешь с эшелоном танков прибыть завтра к восьми утра, сорвешь боевую операцию войск армии. Тебе это ясно?

- Очень ясно, Борис Николаевич, - ответил я.

- Да, и вот еще что, Григорий Германович, - доверительно предупредил начальник, - перевозка танкового батальона должна быть выполнена при обеспечении полной скрытности. Командир батальона явится лично на станцию погрузки. В военной комендатуре майор Боярский, подавая справку о поездном составе, сообщил, что порожняк подготовлен и сформирован по схеме: двадцать тяжелых четырехосных платформ поставлены в середину поезда, двухосные платформы равными частями по двенадцать платформ с обеих сторон тяжелых платформ. Хвост состава замыкался двухосной тормозной платформой с ручным тормозом. Еще пять тормозных платформ с ручными тормозами были размещены между другими платформами по всему составу.

- Хорошо, поехали, - сказал я.

Мы сели в крытый вагон состава поезда, и в 16 часов 6 ноября порожняк отправился за танковым батальоном со станции Кувшиново.

С прибытием порожняка на станцию Лихославль дальнейшее его движение несколько задержалось. Дежурный по станции на мое требование - немедленно отправить поезд на станцию Кулицкий Мох - сообщил, что туда движение поездов закрыто.

- Почему? - спросил я, глядя на него с удивлением от неожиданного поворота обстановки.

- Потому что железнодорожники с этого участка эвакуированы и никакой связи со станциями нет.

О техническом состоянии станции этого железнодорожного участка дежурный ничего сказать не мог. И чтобы не раскрывать перед присутствовавшими железнодорожниками цели поездки, я от дальнейших переговоров с ним воздержался. Однако, понимая то, что не случайно я с порожняком туда стремлюсь, он заявил: «Если вам уж так нужно, то поезжайте под свою ответственность».

Мне стало ясно, что все дальнейшие разговоры и требования здесь связаны с потерей времени, чего допустить было нельзя. И я ушел из помещения дежурного по станции. Своего помощника, старшего лейтенанта Слюсарука, обязал следовать вместе с главным кондуктором состава, а сам поднялся на паровоз. В ответ на удивленно вопрошающий взгляд машиниста сказал:

- Поехали, отец, вперед.

- А разрешение дежурного на занятие перегона где? - спросил тот.

- Разрешение вы уже получили от меня. Только поезжайте внимательно, потому что станции участка, куда мы едем, железнодорожниками не обслуживаются.

- Как это не обслуживаются? - с недоумением спросил машинист.

- Нет их там, эвакуированы.

- А как же ехать? - не успокаивался он.

- Вы этот участок знаете? - ответил я вопросом на вопрос.

- Знаю, - твердо заявил он и продолжил, как бы в оправдание, - я никак более двадцати годов тут езжу. Как не знать. Знаю.

- Вот и хорошо. Только никаких сигналов не подавайте, - спокойно сказал я ему.

В будке машиниста я занял левое крыло - обычное место помощника машиниста. Состав, набрав скорость, проносился мимо обезлюдевших и разоборудованных станций Паршинец, Крючково… Уже вечерело, когда наш поезд входил на станцию Кулицкий Мох. Машинист вдруг резко затормозил паровоз, и наш поезд остановился, как вкопанный.

- Дальше ехать нельзя. Путь разобран, - произнес машинист.

- Значит, передовая недалеко, - подумал я.

Мы молча сошли с паровоза. Подошли поездная бригада и старший лейтенант Слюсарук. Все молчали. Внезапно наступившая тишина настораживала и пугала. И, действительно, до слуха в этой сумеречной тишине доносилась периодически вспыхивающая огневая схватка орудийных залпов, минометов и пулеметных очередей. Все поняли, что передовая где-то недалеко.

- Ну, что, капитан, - нарушив общее молчание, произнес машинист, - может, на немца паровозом в атаку?

- Не для этого, отец, мы сюда приехали, - ответил я, и, сделав знак старшему лейтенанту, пошел вглубь станции.

Быстрый осмотр станции Кулицкий Мох позволил установить

сложную и острую ситуацию, в которой мы оказались. Рельсы станционных путей и стрелочные переводы были разобраны и отправлены в тыл. Никаких постоянных погрузочных устройств (высоких платформ, боковых аппарелей), а также материалов для постройки временных на станции не оказалось. Отсутствовала и связь. К тому же состав поезда был сформирован так, что на четырехосные платформы, предназначенные для погрузки тяжелых танков, не проехать. Они стояли в середине поезда, а их необходимо поставить в конце состава, чтобы тяжелые танки могли на них заехать с торцевой аппарели. Все это требовало переформирования состава порожняка. Паровозная и поездная бригады о задании, которое было поручено мне, не знали. Им была поставлена задача - обеспечить быстроту и безопасность движения поезда. Пришлось им все разъяснить. Да и двигаться в груженом состоянии вагонами вперед было небезопасно.

Машинист, уже пожилой опытный вожак тяжеловесов и скоростных поездов, в этой обстановке помрачнел - водить поезда задом наперед ему не приходилось.

- Что будем делать? - спросил машинист. - Надо, чтобы паровоз был в голове поезда. Но тут, как видите, это сделать невозможно, и ночь настигает. Благо, что гитлеровские ястреба за нами не гоняются.

- Придется возвратить состав в Лихославль для переформирования, - ответил я, и, отдав нужные указания старшему лейтенанту, обратился к машинисту:

- А потом таким же манером опять подавай состав сюда.

- Да, капитан, задал ты нам работенку на ночь глядя, - проворчал машинист и поднялся на паровоз.

Да, проехать перегон более двадцати километров в темное время, толкая перед собой состав поезда из более чем сорока единиц подвижного состава - задача не из легких. Согласно существующим на железной дороге правилам и инструкциям, такой порядок движения поездов по перегонам не допускается. Но всем тогда стало понятно, что другого выхода не осталось, как только отправиться в Лихославль вагонами вперед и после переформирования порожняка опять же вагонами вперед из Лихославля подать состав к погрузочному месту. Паровозная, поездная бригады и старший лейтенант Слюсарук, уяснив свои задачи с платформами перед паровозом, отправились в Лихославль.

Старший лейтенант Слюсарук Николай Андреевич, преподаватель математики в средней школе, призванный из запаса, был весьма энергичным в работе, быстро ориентировался в обстановке, организованный, исполнительный и требовательный к себе и другим человеком. Он умело строил свои деловые взаимоотношения как с войсковыми командирами, так и с работниками железнодорожного транспорта. И теперь, оказавшись с ним в таких непредвиденных, сложных и трудных условиях, я внутренне был доволен, что со мною рядом был Николай Андреевич Слюсарук. Отдав ему указания отправиться с порожняком назад в Лихославль для его переформирования и незамедлительной подачи вновь на станцию Кулицкий Мох вагонами вперед, я был уверен, что все будет сделано в лучшем виде. С убытием состава станция опустела. И эта пустота в сумеречной тишине, нарушаемой доносившейся с передовой перестрелкой, стала угнетающей. Во мне нарастало беспокойство, которое росло исподволь и теперь навалилось на меня всей тяжестью ответственнейшей задачи: как погрузить танковый батальон, который с часу на час может прибыть на станцию? Из каких материалов строить торцевую аппарель? Как, чем и какими силами ее строить?

За всю мою, еще тогда короткую службу в армии, включая и учебу в училище ВОСО им. Фрунзе, и Военно-транспортной академии, мне ни разу не приходилось практически строить самому или руководить строительством такой аппарели. Стоя один в глубоком раздумье перед оборванным станционным путем, я перебирал обуревавшие меня вопросы: «Что же делать? В чем, где можно найти решение задачи? Где взять людей, которые смогли бы мне помочь? Где взять материалы, из которых можно было бы построить эту аппарель? Где? Кем? Из чего? Как?» И тут я вспомнил слова машиниста: «Война слабости никому не прощает…»

- Да, - стал успокаивать я себя, - только без паники, спокойно, надо разобраться в этой обстановке.

Я стал осматриваться вокруг и более внимательно вглядываться в станционные пути, словно в них мог найти нужное решение. Разгребая ногами снег и продолжая всматриваться в пути, где прежде были пришиты рельсы, то нагибаясь к одним, то переходя к другим, я разглядел, что шпалы после уборки рельс остались на месте.

«Ура! - обрадовавшись, чуть не закричал я и тут же осекся, - но как их выдрать из мерзлого балласта? Где же взять людей, инструменты для такой работы?»

Погруженный в свои мысли, я ничего не замечал вокруг. Ни того, что уже смеркалось, и ясное небо замерцало мириадами звезд, ни того, как со стороны опустевших домов ко мне двигался человек. Отрывая взгляд от вмерзших шпал, я вдруг увидел подходившего ко мне человека. У меня радостно забилось сердце, я едва не бросился его обнимать, но сдерживая свой порыв, оставался стоять на месте, ожидая, когда тот подойдет ко мне поближе.

- Кто вы и зачем пришли сюда? - строго спросил я.

- Местный я, - ответил он, всматриваясь в меня. - Я ведь видел, как прибыл, а затем задним ходом ушел отсюда поезд, а вы остались здесь один. Знать, не зря все это. Наверное, я вам пригожусь. На станции кроме меня никого ведь больше нет.

- Значит, вы должны знать путейцев? - как бы угадывая мысли старика, спросил я его.

- Да, знаю. Но здесь теперь никого нет.

- А где же они?

- Разбрелись по соседним деревушкам. Они ить и были сельские.

- Далеко ли ближайшее село?

- Да нет. Не более километра будет.

- А где работники станции?

- Их вакуировали с семьями еще на прошлой неделе, - с трудом выговаривая незнакомое слово, рожденное войной, сказал он, - а некоторые опять же подались в село.

Во время этой беседы, состоящей из вопросов и ответов да пристальных взглядов, я старался получше, насколько возможно, разглядеть лицо, глаза самой судьбой присланного мне человека. Старик лет шестидесяти, немного сгорбленный, но довольно бодрый, он был одет в ветхую латаную одежду и поношенную чиненую обувь. Его обросшее лицо и открытый со смешинкой добрый взгляд вызывал к себе расположение и доверие. Я почувствовал, скорее внутренне, что ему можно довериться, и он обязательно поможет.

И тут же повелительным тоном я обязал его идти немедленно и побыстрее, насколько возможно, в ближайшие села и приступить к сбору всех, кого только можно найти - рабочих пути, и передать им строгий приказ срочно, буквально бегом, с путейским инструментом прибыть на станцию для… Тут я запнулся на полуслове, не решаясь полностью раскрыть задачу, и продолжил:

- Ну, сами знаете, зачем. Нам нужны вот эти шпалы, которые лежат в мерзлом балласте станционных путей.

Добродушный старик, видно было по всему, понял правильно всю сложность обстановки и срочность задания, с которым я оказался здесь, и ответил:

- Хорошо, я понимаю вас, постараюсь сделать все, что смогу, - и быстро удалился, растворившись в темноте.

И опять, когда шаги его затихли, меня охватила тревога и беспокойство. А если я ошибся в этом человеке? А если этот человек, вместо сбора людей, передаст информацию противнику о подготовке места для погрузки эшелона? Что произойдет тогда? Ведь будет сорвана вся скрытность перевозки и неожиданность оперативного маневра танковым батальоном, на что рассчитывало наше командование. И, взявшись за голову, я в отчаянии повторял:

- Беда, беда! Какая будет беда!

Что же делать, где же выход? А как же с танками? На этом я себя поймал - ведь это же паника… И тут я опять вспомнил слова машиниста: «Война слабости никому не прощает…» И снова я был благодарен ему. Ведь все было сделано правильно. А как же было поступить иначе? И, успокоившись, я стал думать и утверждать правильность всего того, что уже было сделано - и веру в свои силы, и веру в этого человека, который с такой готовностью согласился выполнить мое поручение, и в то, что он обязательно соберет нужных людей. Успокаиваясь и освобождаясь от минутно нахлынувшей слабости, я стал думать о том, что только бы побыстрее явились люди на станцию: ведь прежде, чем можно будет приступить к погрузке танков, нужно выдрать из мерзлого балласта более пятисот штук шпал, найти нужные рельсы и много костылей и собрать все это к месту постройки аппарели, да на ее сооружение еще потребуется времени не менее полутора - двух часов. Вопрос о самой конструкции аппарели и о том, как ее надлежит строить, меня тоже волновал, потому что мне ни разу не приходилось выполнять такие работы. И пока я о ней размышлял, прохаживаясь возле того места, где должна быть построена торцевая аппарель, она в общих чертах возникла у меня в голове. Но где же люди? Неужели никто не придет? Опять стало возникать неприятное беспокойство. Как быстро уходит время, а пока ничего не сделано! Это очень меня волновало.

Вскоре я услышал звук приближающихся шагов. С разных сторон ко мне подходили люди с путейским инструментом в руках. Некоторые из них запыхались от бега и быстрой ходьбы, шапками вытирая вспотевшие лбы. Меня охватило радостное волнение.

- Что надо делать? - спросил выделившийся из них пожилой, коренастый и, по всему было видно, наиболее грамотный и опытный путеец.

- Кем вы будете? - спросил я его.

- Бригадир пути, - представился он, не называя своей фамилии.

- Вот вы мне и нужны, - сказал я и тут же поставил ему задачу, указав место, где должна быть построена торцевая аппарель и откуда взять шпалы для ее сооружения.

Яркая луна на безоблачном звездном небе щедро заливала станционную площадку своим мягким бледно-желтым светом, чем создавала хорошую освещенность и благоприятные условия видимости в напряженном и спором труде работающих.

(Окончание на стр. 8)

(Окончание. Начало на стр. 6, 7)

Без шума и сутолоки люди работали быстро и организованно. Доносившаяся с передовой беспорядочная ружейно-пулеметная перестрелка то сгущалась до артиллерийско-минометного огня, то затухала до одиночных выстрелов и значительных пауз между ними. В одной из перестрелок разразилась смертельная схватка, в которой преимущество было на стороне наших пулеметов и минометов, донеслось дружное «Ура-а-а!» Прислушивались к стрельбе и рабочие, на какой-то момент прекратившие трудиться. Один из них протянул:

- Н-да… Вона какова жизнь-жестянка на передовой…

Другой поддакнул:

- Да, по всему видно, танков им не хватало.

Близость передовой и свинцово-огненное дыхание боя сражающихся придавало силы работающим на станции и уверенность в том, что выполнение ими этого задания явится их личным полезным и необходимым вкладом в общее дело обеспечения успеха в смертельном тяжелом ратном труде советских воинов.

Какой замечательный наш советский народ - наш дорогой, родной русский народ, преданный своей Родине! Какой понятливый и безотказный в трудную годину! Какой мужественный и весьма организованный в коллективном труде. Так думал я, с восхищением наблюдая за слаженным, напряженным, тяжелым физическим трудом людей. И я глубоко был благодарен им, пришедшим и поспешившим по моему требованию на помощь. И мне было стыдно перед ними за те минуты сомнения, которые перед их появлением не давали мне покоя.

- Не унывай, капитан! - как бы заметив мои раздумья, сказал старый рабочий.

- Успеем все сделать, не сумлевайся, капитан. Только говори где и как укладывать шпалы, - услышал я голос другого, несущего на плече шпалу.

Это был кряжистый здоровяк. Один нес на плече шпалу! Надо же! Шпалы, выдранные из станционных путей, уже громоздились кучей. И я, отдав указания бригадиру пути - где начинать укладывать основную и промежуточные шпальные клетки, отошел в сторону. Бригадир вместе с рабочими дружно и быстро приступили к постройке аппарели. Для них это было привычным делом. Их не надо было ни торопить, ни подправлять. Они, как бы угадывая мои намерения, укладывали и скрепляли шпалы в клетках, укладывали рельсы в пакетах, и аппарель все больше вырисовывалась и оформлялась в мощное сооружение, способное принять на себя самый тяжелый танк.

Через два часа сорок пять минут торцовая аппарель была готова. Она мощной шпальной клеткой стояла в конце пути, подпертая наклонным пакетом рельс с настилом из шпал, скрепленных пришитыми к ним рельсами. Все вздохнули от напряженного труда и жаркой работы. От всех шел пар. Люди снимали шапки, вытирали вспотевшие головы. Луна ярко высвечивала рабочих, закуривавших самокрутки и то и дело входящих на аппарель и притоптывающих, как бы проверяя ее надежность и качество своей работы. Вдруг медленно из темноты, в лунном свете, стал выдвигаться состав платформ, на головной из которых стоял с карманным фонариком, повернутым в сторону паровоза, старший лейтенант Слюсарук. Правой рукой, держащей фонарик, он делал плавные движения вверх и вниз. Все расступились в стороны от аппарели с тем, чтобы она была четко видна в лунном свете приближающемуся составу. Не доезжая до нее трех метров, Слюсарук стал подавать машинисту сигнал остановки. Движение состава стало замирать и у самой аппарели прекратилось. Все стоявшие ахнули в испуге, что аппарель будет разрушена надвигавшимся на нее составом. Но машинист будто чувствовал приближение к аппарели и, как бы невидимыми вожжами сдерживая длинный состав, точно, с зазором 5-7 см между буферами головной платформы и шпальной клеткой остановил поезд. Все облегченно вздохнули.

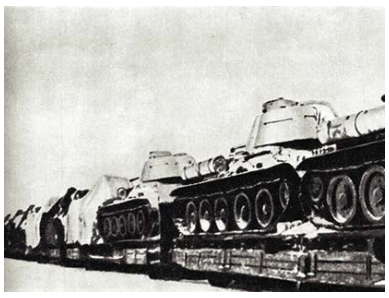
- Ну, не натворил ли я вам тут делов, не сбил ли вашу торцовку? - спросил подошедший машинист. В его голосе звучала веселая ирония и гордость за свою профессиональную опытность.

Я от души поблагодарил машиниста за его незаурядное умение управлять паровозом с поездным составом при движении вагонами вперед в ночное время. Он явно был удовлетворен результатом своей работы.

- А где же армия? - спросил машинист и, услышав доносившуюся с передовой беспорядочную перестрелку, сам себе ответил:

- Еще бой ведет. Видать, не скоро появится.

- Скоро появится, - перебил я его. Но и меня этот вопрос волновал не меньше.



Вначале, когда люди только собрались и приступили к работе, меня волновало то, что танки могут появиться в любую минуту, а аппарель не готова и порожняка нет. Теперь меня беспокоило уже другое: где же танки? Ведь нужно успеть их погрузить и вовремя доставить в Кувшиново. Лунная морозная ночь упорно хранила тишину. О приближении машин на погрузку и признаков не было. Учитывая фактор времени, которое нужно максимально сократить при погрузке техники, мы, после обмена мнениями со старшим лейтенантом Слюсаруком, решили расширить фронт погрузки. В двух местах были созданы легкие боковые аппарели для погрузки на них более легкой техники. К моменту завершения устройства этих аппарелей послышался слабый рокот мотора, и с ним появился командир танкового батальона. Коренастый, юркий, крепко сложенный, быстроглазый майор в сопровождении нескольких офицеров подошел ко мне. Представившись, всей группой обошли и осмотрели подвижной состав и подготовленные погрузочные места. Комбат по достоинству оценил построенные аппарели, особенно торцевую, и тут же отдал приказ на погрузку своей техники. Через тридцать минут колонна танков в установленном командиром порядке начала погрузку. На станции, до того безмолвной и безлюдной, стало оживленно. Но шум и сутолока отсутствовали. Шла быстрая, организованная и дружная работа, развернувшаяся на широком фронте - почти по всей длине состава с обеих сторон поезда. Всем делом погрузки на всех участках успешно руководили офицеры-танкисты батальона. Но без происшествий не обошлось. По недостаточной опытности молодого водителя при движении танка по железнодорожной платформе и при весьма ограниченной видимости его машина одной гусеницей сошла с платформы, повиснув на другой. Железнодорожная платформа при этом свободным краем несколько поднялась вместе с тележками. Появилось некоторое замешательство, все в раздумье - что делать? Вопрос мой к комбату - есть ли в батальоне трос? - моментально вывел его из этого состояния, и он тут же скомандовал танковому тягачу подойти к месту происшествия.

Застропив повисший танк через башню за гусеницу, на которой он висел, танк-тягач тросом сорвал висящий танк с железнодорожной платформы, и, перекатив его, поставил на гусеницы. Железнодорожная четырехосная платформа, освободившись от висевшего танка, возвратилась на свое место, причем колеса поднятой стороны тележек точно, без перекосов встали на свое место - на рельсы.

Командир свалившегося танка, заняв место водителя, вторично повел танк на погрузочную аппарель и, проведя его по всем платформам, установил машину на предназначенное место.

Батальон закончил погрузку всей техники в четыре часа утра 7 ноября. Звезды мерцали в черноте ночного неба. Луна зашла, мороз крепчал. Движение машин и людей на станции замерло. Передовая себя не проявляла. Все притихло, лишь мерно урча, продолжали работать на малом газу моторы автомашин и двигатели танков, стоящих на железнодорожных платформах, чтобы не застыть на крепком морозе и быть готовыми к движению на станции выгрузки. Все экипажи и водители находились в танках и машинах.

- Погруженный эшелон можно отправлять, - доложил командир батальона.

- Однако с отправкой дело задерживается. Поездная бригада и паровоз трогаться на могут, так как не увязана техника на подвижном составе, - подходя ко мне, доложил Слюсарук. - Как быть?

Я взвешивал: увязочного материала - проволоки батальон не имел. Этот вопрос был выяснен еще перед погрузкой, и тогда же было дано указание положить шпалы поперек платформ под гусеницы танков и под колеса колесной техники, с двух сторон каждой машины. Кроме того, в целях ускорения выгрузки на станции Кувшиново было дано указание - бортов у платформ не закрывать. Да и вся эта операция по увязке техники на подвижном составе и закреплению бортов у платформ после погрузки заняла бы дополнительно не менее полутора - двух часов. И столько же времени потребовалось бы на освобождение техники от увязки и крепежа на станции выгрузки, да плюс сама разгрузка. Следовательно, к восьми часам утра эшелон никак не смог бы прибыть на станцию Кувшиново и разгрузиться.

Я принял на себя всю ответственность за отступления от правил и требований по технике безопасности по перевозке всей погруженной техники по железной дороге.

Это решение я разъяснил главному кондуктору и машинисту. Единственно, о чем я попросил машиниста, чтобы при трогании, остановке и в движении он не допускал резких толчков и торможений, чтобы вел поезд с повышенной бдительностью. После этого главный согласился ехать так только до станции Лихославль, где он доложит диспетчеру о состоянии поезда.

- А там, как ехать дальше - решайте с ним сами, - решительно закончил он. Действительно, такой порядок перевозки боевой военной техники, не закрепленной на подвижном составе, при открытых бортах платформ, работающих моторах и двигателях, с экипажами в машинах, являлся серьезным отступлением от существующих правил и инструкций по их перевозке.

Но принятое мною решение было продиктовано всеми сложившимися неблагоприятными условиями, в которых выполнялась эта перевозка, и требованием обеспечения в срок прибытия танкового батальона на станцию Кувшиново. Оно было продиктовано исключительно необходимостью, обеспечивавшей боевую готовность танков, всех машин и экипажей. Однако для предупреждения всяких непредвиденных случайностей в пути следования мною лично был проведен инструктаж командиров подразделений, парторгов и комсоргов о повышении бдительности экипажей танков и водителей автомашин при перевозке с работающими моторами и двигателями, о недопущении несчастных случаев, а также о порядке выгрузки в Кувшинове. Это давало мне уверенность в благополучном завершении перевозки. При этом я понимал, что принятое решение было смелым. Оно давало выигрыш во многом, но настолько же оно было и рискованным. И далее, уже в пути следования, я думал о том, что надо уметь рисковать и нам - восовцам, и железнодорожникам. Ведь воины танкового батальона спешат в заданный район для нанесения внезапного и решительного контрудара по коварному врагу, который решил в день 24-й годовщины Великого Октября внезапной танковой атакой взломать оборону наших войск и нанести нам поражение с далеко идущими целями.

Все офицеры и солдаты батальона и других частей сегодня утром, 7 ноября, смело и решительно ринутся в бой на врага, не задумываясь о личной безопасности. Не риск ли это? Да, риск, и еще какой! Но риск продуман, всесторонне подготовлен, уяснен и глубоко осознан каждым воином и командованием. Поэтому, решил я, и мой риск в какой-то степени является составной частью этого общего оперативно-тактического плана нанесения контрудара по противнику. Следовательно, мои действия, считал я, являются оправданными. Старший лейтенант Слюсарук был определен мною на паровоз с задачей - обеспечить преодоление непредвиденных задержек в пути следования, а сам я находился в вагоне с командиром батальона и начальником эшелона. Связисты проверили исправность и безотказность установленной связи в эшелоне и сообщили комбату. Последний доложил о готовности эшелона к отправке. Я дал команду на отправление. Поезд без гудков об отправлении напружился и без рывков медленно и плавно тронулся с места, и с каждой минутой набирая скорость, в темноте и безмолвии оставил станцию Кулицкий Мох. Люди, строившие погрузочные аппарели, с интересом наблюдавшие погрузку танкового батальона, провожали его с искренними пожеланиями всем воинам ратных успехов в бою с врагом.

Начальнику ВОСО 22-й армии Горяинову было известно о действиях с составом, который возвращался в Лихославль для переформирования и вторично подавался на Кулицкий Мох вагонами вперед, но, не имея информации о положении с погрузкой танков в течение ночи с 6 на 7 ноября, он проявлял вполне понятное беспокойство.

После 0 часов 7 ноября командование армии с нетерпением ожидало разрешения на занятие перегона от Лихославля на Кувшиново, а его не было.

По прибытии эшелона в Лихославль диспетчерская служба Торжокского отделения и военного коменданта распорядительной станции № 25 потребовала его немедленной отправки. Поэтому доводы главного кондуктора о том, что техника в эшелоне не увязана, а борта платформ не закрыты, в этой напряженной ситуации были отнесены к категории фактов, не имевших решающего значения.

Важно было главное - эшелон с танками появился! И тогда ему необходимо было как можно скорее обеспечить беспрепятственное продвижение в Кувшиново. Это знали четко все, кто обеспечивал выполнение этой перевозки.

На станции Лихославль поездной состав был быстро принят вагонниками и весовщиками. И в этой части они разделили со мной допущенный риск.

В свою очередь, Бологовское отделение подтвердило требование Торжокского, и эшелон по станции Виноколы (граница между двумя отделениями) был пропущен с ходу. В Торжке был заменен паровоз заранее подготовленным другим паровозом, и в Кувшиново эшелон прибыл точно к 8 часам утра 7 ноября 1941 года. Поезд еще не успел сделать полной остановки, как танки по ходу движения начали сходить с железнодорожных платформ на высокую платформу станции и уходить в назначенный им район сосредоточения. При полной остановке поезда оставшиеся танки, автотранспорт и другая техника быстро разгрузились и убыли в тот же район. Только после этого я с облегчением вздохнул, испытывая неизгладимую глубину удовлетворения от исполненного долга и от благополучного завершения операции. Танковый батальон в назначенный ему район сосредоточения прибыл к установленному времени. Гитлеровское командование, не ведая об усилении наших войск танками, продолжало рассчитывать на успех танковой атаки своих сил на участке обороны 22-й армии. Подготовленная фашистами атака бронированным тараном на избранном танкобезопасном для них, как они считали, участке, успеха не получила. Неожиданной контратакой танкового батальона майора Антонова атака гитлеровских танков захлебнулась. Даже пехота противника не успела подняться в атаку за своими танками, как наши тридцатьчетверки начали громить их своим огнем и гусеницами. В результате кратковременного ожесточенного боя все расчеты гитлеровского командования потерпели поражение. Потеряв ударную силу своих танков, враг был деморализован и не решился продолжать бой на избранном участке.

Эти события в то напряженное и грозное время имели особенно важное значение для повышения моральной стойкости, боевого духа и мужества советских воинов и, в частности, воинов 22-й армии Калининского фронта, познавших зверство гитлеровских захватчиков в минувших жестоких боях с ними. Наши воины противопоставили врагу смелость, отвагу и быстроту контратаки, меткость огня и ловкость маневра. Танковая атака противника, таким образом, была сорвана. В той короткой и жаркой схватке танкисты и воины армии успешно отстояли оборонительные рубежи и показали врагу силу и непобедимость Российского народа и его Вооруженных сил. Однако боевой успех армии был омрачен понесенными потерями. В этом бою с гитлеровцами погиб и майор А.И. Антонов, командир танкового батальона, который отважно руководил своими воинами-танкистами. Он личным примером воодушевлял их в неравном бою с танками гитлеровцев и отдал свою короткую, но замечательную жизнь за Родину. Накал битвы за Москву возрастал. Враг на участке 22-й армии не прошел. Он не прошел и на других направлениях.

6 декабря 1941 года наши войска в чрезвычайно упорных и напряженных, кровопролитных оборонительных сражениях под Москвой разгромили врага. Враг потерпел сокрушительное поражение. Сильно поредевшие и потрепанные вражеские войска отходили далеко на запад. Войска трех фронтов перешли в решительное наступление, в котором, наряду с другими войсками Калининского фронта, принимала активное боевое участие и 22-я армия. Враг от Москвы был отброшен на всех направлениях от 70 до 200 километров.